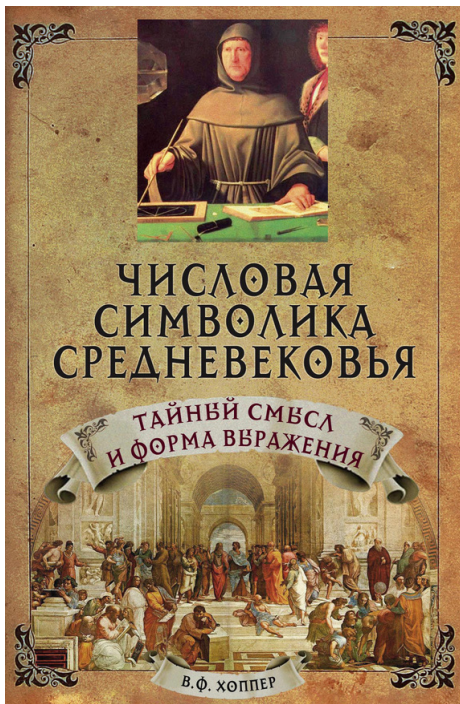

Винсент Фостер Хоппер
Числовая символика средневековья.
Тайный смысл и форма выражения

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6707283*

*Числовая символика Средневековья. Тайный смысл и форма выражения / Пер. с англ. С. Федорова.: Центрполиграф; V 1.0 by prussol; 2014
ISBN 978-5-9524-5100-1*

Аннотация

Числовой символизм был широко распространен и глубоко укоренился в мировой культуре. Мыслители Средневековья и поэт Ренессанса Данте вкладывали в числа глубокий смысл. Автор данной книги Винсент Фостер Хоппер, преподаватель английской словесности, профессор Нью-Йоркского университета, показывает, что в средневековом сознании человека числовая символика была не просто математическим инструментом наподобие игровых фишек, а основой понимания мира, ясной по форме выражения. Автор исследует главные источники числового символизма: элементарные символы (например, пальцы), вавилонскую астрологию, пифагорейскую систему соотношения чисел и искусную комбинацию всех этих элементов гностиками при разработке числовой философии Отцами Церкви, выраженной, в частности, в красоте порядка в «Божественной комедии» Данте.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	23
Глава 4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Хоппер Винсент Фостер

Числовая символика Средневековья.

Тайный смысл и форма выражения

Vinsent Foster Hopper

Mediaval number symbolism

Its Sources, meaning, and influence on Thought and Expression

Предисловие

*Памяти Авраама Уиттейкера Хоппера и Изабель Джейн Хоппер
с благодарностью и восхищением*

Практически все попытки изучения средневековой символики до сих пор сводились к тому, чтобы прояснить ее темные места. Значимым результатом подобных исследований явилось обнаружение причудливого переплетения абстрактных идей и конкретных фактов, тесно связанных и одновременно независимых.

То, что современному сознанию представляется искусственным, непростым и неискренним, прежде зачастую оказывалось естественным способом выражения.

Иначе говоря, то, что современное сознание с некоторой поспешностью определяет как символ, в средневековом сознании считалось неизбежной связью идей. Ведь большинство символов, представленных в Писании, относили к созданным самим Господом.

Знакомство со средневековыми сочинениями показало, что их необходимо рассматривать в комплексе, ибо понять этот символизм можно, лишь осознав метафору или иной подобный троп, связанный с воображением, независимо от того, древний он или современный. Образы менялись от поколения к поколению, но импульс, порождавший их, оставался практически неизменным.

Очевидная ценность метафорического высказывания связана с его возможностью прояснять или углублять идеи или эмоции через обращение к чувственному опыту. Посредством числового символизма абстрактное становится конкретным, а попадая в семантическое поле, распознается и приобретает значение. Посредством символов абстрактная красота и благосклонность божества отражается в конкретном образе Девы. В свою очередь, концепция Девственности через художественные средства, скульптуру и живопись более явственно отражает чувственный опыт.

Именно так образ передает идею. На более примитивном уровне свет и сияние, дающие жизнь, свойства солнца привели к всеобщему распространению этого культа, инициировав восприятие Солнца как бога.

Как же объяснить числовой символ, приближающийся к границе абстракции, весьма далекий от конкретного образа? Говоря серьезно, не намеревается ли автор «Новой жизни»¹ добиться восхищения читателя и вызвать особое отношение к Беатриче, описав ее через число 9?

Проще ответить «да», подразумевая, что особое положение чисел в светских и церковных сочинениях Средних веков, в архитектуре соборов, таинствах и ритуалах является достаточным признаком их современной эффективности.

Комментаторы находились в некотором затруднении, пытаясь объяснить изолированные числовые символы, иногда, правда, справляясь с задачей с относительным успехом, порой добиваясь определенных результатов.

Опираясь на объяснения, они стремились прояснить текст, не проливая свет на душу автора и не подогревая воображения читателя. Несовершенство попыток понять философский и символический подтекст числа проявилось в тенденции рассматривать его как забавное разнообразие анаграмм.

¹ «Новая жизнь» (ит. La Vita Nuova) – сборник произведений, написанных Данте Алигьери в 1283–1293 гг. (Примеч. пер.)

Мы постарались показать, насколько глубоко коренится в средневековом мышлении осознание чисел не как математических инструментов или средства подсчета, а как особой красноречивой и выразительной реальности.

В Средние века было важно присутствие трех учеников² во время Преображения Христа на горе Фавор. Как известно, в Библии бережно хранилось таинство Троицы, и священность числа 3 создавала ореол над фигурой Христа и всеми божественными атрибутами. Особая сакральность данного числа, признававшаяся человеком с незапамятных времен, наделяла всякое его повторение богатством значений, которое не всегда воспринимает современный читатель.

Ввиду эклектической природы средневековой науки и философии не всегда возможно было дать четкую формулировку того или другого, особенно не исследуя личных корней, из которых образовались эти гибриды.

Кроме того, средневековая числовая философия, зачастую выглядевшая совершеннейшей чепухой или в лучшем случае порождением необычайно беспорядочного мышления, объяснялась исключительно через отсылки к ее происхождению, поскольку представляла собой сочетание трех моделей мышления, числовые же символы пополнялись из трех основных источников.

Первый, который я обозначаю как «элементарный», основывается на всем числовом символизме, происходит из первоначальных попыток человека пересчитать и осмыслить некоторые наблюдения, отметить природные группы соответствующими номерами. Так, например, 5 – рука; 20–10 пальцев на руках и 10 на ногах, вместе – человек.

Второй и более продуктивный источник значительных имен – усовершенствованный первый – не что иное, как древняя вавилонская астрологическая система. Числа, образованные от созвездий, планет и звездных кругооборотов (циклов), воспринимались с трепетом как предопределенные божественной волей.

Каждому числу давалась собственная священная коннотация на основе астрологического соотношения макро– и микрокосма, определяющая отношения всех величин, обозначаемых одним числом. Так, 7 дней недели получили свои имена от 7 планет.

Средние века унаследовали эту теорию благодаря жизнестойкости астрологии. Однако на тему святости и неподкупности астрологических чисел, уступающей только Священному Писанию, размышляли церковники, и у них свое толкование.

Третьей и самой известной стала теория пифагорейцев, трактовавшая отношения чисел между собой и, соответственно, место космического множества в космическом порядке.

В первых главах книги я рассматриваю основы каждой из этих теорий, без чего невозможно уяснить средневековый численный символизм. В четвертой главе уделено внимание их сочетанию гностиками, которые, наряду с новыми пифагорейцами, более других повлияли на развитие христианской теории чисел.

В пятой главе обсуждается принятие и разработка числовой философии первыми Отцами Церкви (включая Августина), руководствуясь намерением прояснить основы средневекового христианского числового символизма.

В шестой обобщаются разнообразные проявления и образы цифровых символов в Средние века, чтобы инициировать, насколько это возможно, тогдашнее отношение к числу.

Использование Данте числового символизма и воздействие чисел на философию поэта обсуждается в седьмой главе.

² Три апостола – Петр, Иаков и Иоанн – взошли вместе с Христом на гору Фавор, где произошло Преображение Господне. (Примеч. пер.)

Огромное количество научных исследований посвящено примитивному, астрологическому и пифагорейскому символизму, коим отведены первые главы. Не имея цели внести собственный вклад в данное исследование, я тем не менее намереваюсь подытожить результаты этих исследований, объяснить совокупные сведения, проистекающие из работ предшественников.

Обобщая, я использовал труды признанных авторитетов, например Фарбриджа, Гумона, Вебстера, Конанта, Ястрова, Роджера, Мак Лиина, Томсона, Ленормана, Каспийски, объединивших результаты многих специальных исследований с собственными данными и выводами. По возможности я подтверждаю выводы отсылками к документам, в которых встречались первоначальные числовые символы.

Я намеревался найти и объяснить взаимосвязи теорий чисел со средневековым символизмом. Однако даже на основании сказанного оказалось невозможно написать исчерпывающую работу, посвященную конкретному числовому символу.

Вместо этого я предпочел сделать, на мой взгляд, наиболее ценное, объяснив основу, значение, цели и способы использования числового символизма в Средние века и, таким образом, определить соотношение отдельных числовых символов в средневековых текстах.

Также и с Данте. Я прежде всего старался объяснить числовую основу «Божественной комедии», соотношение частей с целым, не стремился рассматривать каждый символ по отдельности. Уверен, подобный подход к рассмотрению определенных проблем совершенно неудовлетворителен, поскольку хотя и носит пространственный характер, тем не менее не позволяет представить тщательно разработанный проект всего исследования в полном объеме.

Винсент Фостер Хоппер

Глава 1

Элементарный числовой символизм

Основные числовые символы в истории мировой символики практически у всех народов мира совпадают почти полностью. И это поразительно, поскольку они не только пронизывают всю древнюю культуру, но и повторяются в предрассудках современного обыденного сознания. Мы определяем их как «элементарные» и рассматриваем изолированно, чтобы показать наиболее общие особенности числового символизма как компонента человеческой культуры.

Древнейшие исследователи доказывают, что числа первоначально несли в себе конкретные ассоциации, отражая неспособность первобытного человека понять абстрактные вещи. Данная гипотеза основана на исследованиях развития языка в его движении от определенного к абстракции и проявляется в общем методе обучения сложению и вычитанию на конкретных примерах.

Подобные связи изначально казались более реальными, чем обозначавшее их число, три дерева для человека были более реальными, чем абстрактное 3. От выделяемых в природе фиксированных групп предметов человек постепенно перешел к размышлениям о свойствах самих чисел.

Установлено, что все первобытные культуры проходили через «бесчисленный» период, сегодня повторяющийся у некоторых бразильских племен, в языках которых почти нет слов, обозначающих числа. Одно племя для обозначения или выделения одного предмета из целой группы использует только слово *etama* (один). Применение слов для обозначения одного и многого, различая единичный предмет и группу, стало первой ступенью в развитии счета.

Вскоре человеку суждено было осознать удвоение природы, понять существование женского и мужского, дня и ночи, солнца и луны, земли и неба или земли и воды. Бесспорно, Алкмеон Кротонский повторял распространенное наблюдение, когда заметил, что «большинство вещей в природе парные».

Возможно, первые математики выбрали некую примечательную природную двойственность, например женитьбу, в качестве обозначения понятия «два» (пара). Во всяком случае, число 2 воплощает представление об антитезе, встречающейся в двойственности природы, будь то великая манихейская дуада, или христианское понятие Бога и человека (богочеловека), или двойная голова египетского Гора, «одна из которых несет в себе правду и истину, другая же порочность» (Книга мертвых), или противоположные, но каждый относительно активный и созерцательный образы жизни в Средние века.

Изобретя понятие для «пары», человек получил три числовых термина – «один, два, множество». Племена, считающие подобным образом, существуют по сей день. Хотя некоторые процессы прослеживаются не явно, встречается отождествление слов «множество» и «три». Возможно, «три» – первое целое, к которому применима идея множества или понятие «один, два, множества», иначе говоря, *множество* вводится как третье целое в более продвинутой числовой системе.

Данная стадия отражена в египетском, арабском, еврейском, санскрите, греческом и готическом языках, как в форме различия между «два» и «много», так и в использовании положительной, сравнительной и превосходной степеней. Добро – один, лучше – два, лучше всего – три или много.

Представление о трех как о превосходной степени отразилось в распространенных эпитетах, например *ter felix* и *trismegistus* («трижды мужественный» и «трижды могучий»), в использовании трезубца и тройной молнии как символов величия и мощи.

Скажем, в египетских иероглифах одна перекидаина, означающая изображение предмета, указывает на 1. Двойная перекидаина – на 2, а три линии обозначают 3 или неопределенное количество предметов. Аристотель писал: «О двух предметах или двух людях мы говорим «оба», но не «все». Три стало первым числом, к которому применили понятие «все».

Отмеченное следует относить к «совокупному» или «статистическому» 3, отразившему едва ли не первое в истории обобщение экспериментальных данных. Основную роль в данном процессе играет повторение или совпадение, причем третий случай придает событию значение закона. В вавилонском мифе о потопе Утнапишти (вавилонский аналог Ноя) одновременно выпускает голубя, ворона и ласточку. Чтобы получить необходимую информацию, нет нужды освобождать кого-либо еще, в то же время ее можно получить только в том случае, если отправить не менее трех представителей. В легенде об Атланте для получения результата достаточно было упасть трем золотым яблокам, хотя историю можно продолжить, используя четыре или семь яблок.

Живучесть подобного наполовину инстинктивного способа умозаключения представляет собой одну из странностей человеческой логики. Эратосфен (240 г. до н. э.) замечал, что «боги устаивают милости тех, кто трижды очищают себя».

Легенды, мифы, мировой фольклор изобилуют тремя желаниями, тремя деревьями, тремя помощниками. Нет необходимости продолжать историю, если 3 – это все. В Ветхом Завете говорится, что «и нитка, втрое скрученная, не скоро порвется» (Екк., 4: 12).

Средневековый теолог упоминает о воскрешении Христа спустя три дня, поскольку «за три дня доказано, что все его поступки и деяния подлинны». Принимая три примера в качестве доказательства, Льюис Кэрролл, возможно, намекает на зыбкость даже современного научного мышления, серьезно заявляя устами Беллмана: «То, что я говорю тебе трижды, – верно» («Охота на Снарка»).

Важность рассматриваемого числа 3 во многом возрастает в связи с первичным обращением к богам. Для объяснения божественных или богоподобных качеств использовалось множество атрибутов, однако благодаря древности и многочисленным простым аналогиям в реальном и социальном мире именно 3 стало универсальным числом божества.

В повседневной жизни оно представляет тройственную семью (мужа, жену и ребенка), в данном случае без учета возможного количества детей или жен. Поскольку идея поколония, по Зелеру, основная причина существования мира и богов, вполне возможно возведение семьи на небе до гипотезы о семье на небесах (небесной семье).

В Египте все местные боги были объединены в божественные семьи еще до начала эпохи пирамид. Осирис, Исида и Гор – самая известная из них. Расширение групп триад вело к Эннеадам, тройной триаде Гелиополиса, в свою очередь расширившейся, чтобы включить вторую династию из девяти богов, затем тройную группу, пока девять, восемнадцать и семнадцать богов не составили духовные и мистические триады. Аналогичное увеличение числа богов представлено и в Ригведе, где оно происходило посредством утроения трех основных божеств, на что указывают Фрезер, Моррис и Ленгдон.

Физический мир также склонен к тройному делению. В Ригведе божества объединены в три класса: небесные боги, боги воздуха и боги земли. В шумерской теологии схоластического периода (с XXV по XXIII в. до н. э.) установилась старейшая триада в виде Анну, Энлиля и Энки, то есть, соответственно, богов неба, земли и воды.

С добавлением к этой картине подземного мира триада претерпела некоторые изменения. Анну остался небесным богом, однако второго представителя сменили Бел или Ваал в качестве земного бога, Геа (вариант Эа или Энлиль, бог воды), ставшие хранителями подземного мира. Позже у древних греков Зевс, Аид (Гадес) и Посейдон повторили эту разновидность.

Култ солнца является частью древнейших форм религии, уже в его тогдашних разновидностях четко различались восход, полдень и закат солнца.

В Ригведе подобное деление отмечено тремя шагами Вишны, который, наряду с Брахмой и Шивой, является богом Тримурти (пуранической триады божеств), выполняя функции охранителя мироздания.

Самое первое деление индийского года также было троичным, потому что весна, лето и зима соответствовали трем шагам Вишны. Египтяне разделили бога солнца на три отдельные персоналии: Гор (утро), Ра (полдень) и Атон (сажающееся солнце). Это, скорее всего, представляло триаду и наглядно подтверждается тем обстоятельством, что христианская троича восходит к древнему эпосу о Гильгамеше (до 1000 г. до н. э.): «Три четверти его – бог, одна треть – человек».

Тройственность восхода, полдня и заката солнца демонстрирует другой случай, где 3 – это начало, середина и конец, словом, все. Отмеченный факт удивительно представлен в вышеперечисленных трех сезонах в Индии, где осень и зима неразличимы. В человеческом цикле, идя дальше в поисках аналогий, рождение, жизнь и смерть представляют тройное деление, соответствующее троичному делению мира.

Подобная концепция жизни признается в греческом восприятии судьбы тремя мойрами (Клото – «прядущая», Лахесис – «дающая жребий», Атропос – «неотвратимая»). Соответственно у скандинавов (Урд – прошлое, Верданди – настоящее, Скульд – будущее). В индийской теологии Брахма, Вишну и Шива воплощают идентичное значение. Во фрагменте из орфической философии Зевс изображается как начало, середина и конец всех вещей.

Точное соотношение составляющих любой из этих триад по отношению к статистическому 3 не является предметом нашего внимания. Следует лишь учесть, что в начале истории, лишившись различных значений, число 3 приобрело первостепенное значение, от которого человеку оказалось не так просто избавиться.

По мере развития арифметики человек осознал четыре направления: в сторону восхода, на Восток; в сторону заката, на Запад и две вертикали движения солнца, Север и Юг. Култ этой четверки представлен у большинства первобытных племен Северной и Южной Америки, а также Азии, которые признавали в качестве своего символа греческий или равноплечный крест, свастику и другие крестообразные эмблемы. Изобретение ветров и создание бога с четырьмя глазами, четырьмя ушами и «всевидающими глазами» стало естественным следствием развития этой системы.

В Египте числу 4 уделяли особое внимание. В египетской космогонии изображается небесная крыша, поддерживаемая в основных точках столбами, горами, женщинами, склоняющимися над землей, или коровами. Четвертичность земли превратилась в еще одно, почти универсальное, общее, место в результате обыкновенного признания основных точек.

Использование пальцев рук и ног в качестве средств для счета послужило началом рождения настоящей арифметики и соответственно породило дополнительные числовые символы. Среди первобытных народов 5 соотносилось с рукой, 10 – с двумя руками, 20 – с человеком.

Десятичная система счисления получила наибольшее распространение, ибо позволяла удобно обозначать числа больше или меньше десятка. В то же время принятие десятичной системы само по себе имело далекоидущие последствия, ибо вместе с целыми десятками позже приняло подобие бессмертных сущностей и факт безграничного повторения пальцев в качестве способа подсчета, обеспечивающего бесконечные повторения основных числовых символов.

Соответственно, подразумевая, что оружие Индры состояло из камней по 100 частей, 1000 углов и стрел со 100 наконечниками и 1000 перьями, мы понимаем, что в качестве базовых

вого использовано число 10. 300 ударов бича, по Геллеспонт, находятся в той же числовой категории, как и три дочери Атласа.

Хотя «Тысяча песен» Фив (около 1300 г. до н. э.) содержат всего 18 поэм, они делятся на главы численностью от одной до десяти, далее двадцати, тридцати и так далее до ста, затем сотни в 1000-й главе, что соответствует двадцать восьмой главе. Каждый компонент декады, таким образом, повторяется трижды, и содержание 80-й главы соотносится со святостью числа 8.

Похожая умственная операция временами происходит при повторении десятка, как в надписи на табличке: «Если Каин семь раз отомстил, тогда Ламех 70 и 7». Спустя столетия Фома Аквинский в своем определении 666 как числа зверя в Откровении обсуждает 6, соотнося с единичностью, 6 в отношении к динарию, 6 в отношении к сотне. Значение 6 не менялось из-за его десятичного положения.

Использование десятичной системы, естественно, возвело 10 в ранг значимых символов. В первых проявлениях оно символизировало завершение, или законченность, каковыми в высших степенях являлись 100 и 1000.

Во время вавилонского весеннего фестиваля (3500–1900 гг. до н. э.) десятый день отмечался процессией всех богов. В легенде о Всемирном потопе указано десять правителей, обозначающих десять периодов допотопной жизни. Ассирийский царь Саргон воспринимает десять богов как стражей города.

Ригведу (1200—800 гг. до н. э.) составляют десять книг гимнов, восхваляющих главных ведических богов. Геродот был поражен десятью районами Афин, десятая часть шла на выкуп (еврейская десятина), во время жертвоприношения каждого бога восхвалял хор из десяти исполнителей. Расширение функций 10 у египтян, как отмечает тот же автор, отводило 100 дней как время для подъема Нила. Также отмечали, что Крез, прежде чем отправить гонца к оракулу с целью узнать, победит ли он Кира, наставлял своего посланника вести подсчет дней и лишь на сотый посоветовался с оракулом.

После принятия 10 как полного цикла число 9 приобрело значение «почти совершенное». Троя осаждалась в течение девяти лет и пала на десятый год. Девяти-десятилетние отношения часто встречаются в Илиаде и Одиссее, в обеих поэмах отражена более ранняя, чем в самых древних вавилонских табличках, стадия цифрового символизма.

В Новом Завете, в Евангелие от Луки, рассказывается притча о десяти кусках серебра, один из которых был утерян. Ясно, средневековый теолог истолковывает утраченный кусок как восставших ангелов, чье падение оставило только девять слоев небес, человеку же пришлось делать десятый.

За исключением 5, все числа до сих пор обсуждались и, получая дополнительные коннотации, тем не менее редко теряли свое основное первичное значение. 2 – многообразие, прямо противоположные пары. 3 – «все» (начало, середина, конец), 3 – лучший (превосходный), 3 – священное (триада богов, например). 4 – число земли. 10 – завершенность, конечность, совершенство. 9 – все, однако завершено или из всех самое совершенное.

Глава 2

Астрологические числа

Древнейший этап развития пространственного числового символизма связан с Древним Вавилоном. Там, как замечает Гумон, число весьма существенно отличалось от цифры. Как и в древние времена, например в Египте, имя предмета и его упоминание в словах заклинаний обладало магической силой, число представало символом, и его значение приобрело сакральный смысл.

Главный секрет, которому Эа обучал своего сына, всегда именовался «число». Рифмованное двустишие из Аккада свидетельствует о той оккультной силе, которую якобы усматривали в числе:

Зерно, которое стоит прямо,
Прекратит свой процветающий рост,
Число [которое это производит]
Мы знаем это.
Обильное зерно
Прекратит свой процветающий рост,
Число [которое это производит]
Мы знаем это.

Богиня Нисаба описывается той, «которая осведомлена о значении чисел и хранит списки звезд».

Отношениям между числом и звездами было суждено устанавливать святость чисел, записанных в небесной табличке богов, в равной степени обеспечивая новые цифровые символы. Отметим мнение Гумона: «Развитие математики всегда приводило к развитию астрономии, что повышало сакральное значение этой науки. Цифры, описывающие движения звезд, наделялись особым влиянием».

Первые наблюдения человека над временем, возможно, сосредотачивались вокруг лунного цикла и по некоторой причине, возможно, связывались с признанием числа 4, лунный месяц делился на четыре недели по семь дней каждая. Хотя известно, что существовали недели и иной протяженности, влияние десятичной системы способствовало наибольшему распространению именно семидневной недели. В Эпосе о творении, созданном во время Первой Вавилонской династии (2225–1926 гг. до н. э.), описано лунное деление:

И вызвал новую луну сиять везде, доверив ей ночь.
Он установил ее как бытие ночи, чтобы определить «дни».
Каждый месяц он увековечил ее короной,
Сияющей над землей в начале месяца.
Ты должна сиять с рогами, чтобы обозначить шесть дней
И на седьмой вместе с половиной короны,
Во время полнолуния – сиять подобно солнцу ежемесячно,
Когда солнце – повелитель небес затмит ее.
Сияй на пути обратном.
В период темноты следуй путем солнца,
И на двадцать девятый день
Расположись против солнца во второй раз.

Седьмой день считался опасным для совершения каких-либо значительных дел. В вавилонском календаре, возможно, времен Хаммурапи (2123–2081 гг. до н. э.) перечислены подобные плохие дни. Они включали не только седьмой, четырнадцатый, двадцать первый и двадцать восьмой, но также девятнадцатый, то есть сорок девятый (7 x 7) день, начиная с первого дня предыдущего месяца. Возможно, еврейский Яхве воспринял эту традицию, когда устроил отдых на седьмой день и «посвятил его шабашу».

Особое значение, помимо самих чисел, в астрологии имеет представление о звездах как о воплощении воли богов. В священной числовой группе можно найти отпечаток божественной руки.

Соответственно, обнаружив четыре направления и четыре лунные фазы, человек усилил поиск других примеров, состоящих во Вселенной из четырех частей, и вскоре выявил четыре ветра, четыре стража дня и ночи, четыре стихии и четыре характера – основные добродетели. Сенека весьма проницательно предположил обнаружение четырех элементов египтянами, поскольку именно они более других народов заинтересовались этим числом.

Фазы луны указали первобытному человеку на значение отношений между 4 и 7, и, соответственно, в Древнем Вавилоне четыре ветра требовали расширения до семи. Ничто так отчетливо не выявляет особенную природу и силу числового символизма, как строки Эпоса о творении, где 4 переросло в 7.

Он вызвал четыре ветра, чтобы те подчинились, и никто
не мог уклониться от этого.
Южный ветер, северный ветер, восточный ветер, западный
ветер.
Рядом с собой расположил сеть, подарок его отца Анну.
Он создал злой ветер, бурю, ураган,
Четыре меняющихся ветра, семь меняющихся ветров,
разрушающий ветер, непобедимый ветер.
Это были семь ветров, которые он создал, семь из них.

Таким образом, первые мореплаватели, видя на небе семь звезд сестер Плеяд и созвездия Большой Медведицы, с их помощью прокладывали курс. Блейк верил, что именно Медведица – первое выделенное на небе созвездие, аналогичное происходящему с неискушенным наблюдателем. Кроме того, она – самая выдающаяся среди особенно почитаемых «неразрушимых звезд», видимых в течение всего года, «и только она не погружается в Океан».

Согласно Махабхарате, эти звезды соответствуют семи богам, предшествовавшим наводнению. Семь мудрецов спаслись после наводнения, записав тайны гадания, магии и мудрости для семи египетских небесных богинь, семи предсказателей ведического ритуала, семи мудрецов Греции. Их имена звучат по-разному, неизменно лишь число. Таким образом, 7 стало числом мудрости и богоподобна.

Первоначально Плеяды, вероятно, рассматривались как благотворные звезды, их «изгнание» оплакивали, возвращение Плеяд означало приход весны. Однако благодаря изощренности мысли людей муки, вызванные их отсутствием, возлагались на сами звезды.

После сорокадневного исчезновения вавилонских Плеяд значение «сорок» оказалось явно производным. Оно представляло собой сорокадневный период, совпадающий с сезоном дождей. Для моряка это было время разрушительных бурь, для земледельца – наводнений, подъема воды, испытаний, опасности и ухода благоприятных звезд.

Возвращение Плеяд становилось сигналом для праздника Нового года, когда часть ритуала связывалась с сожжением связки сорока камышей, возможно символизирующих разрушение 40 дьяволов, удерживающих Плеяды в неволе в течение 40 дней, во время которых злые духи бесновались.

Скрытый смысл числа 40, существование во времена Великого поста, 40 лет евреев, бродивших по пустыне, 40 дней обособленного периода римского порта³, и все для того, чтобы выжить, отразились в наши дни в слове quarantine (карантин).

Исчезновение Плеяд с небосклона на 40 дней придавало неблагоприятный аспект числу 40, более того, порождало 7 зла, чтобы они уравнивали 7 добра. С противоречивыми чувствами Плеяды приветствовались во время праздника Нового года, похоже, их даже винили за исчезновение. В хорошо известной вавилонской табличке их порицают как злобных демонов:

Семеро их! Семеро их!
В глубоком Океане они!
Живущих в небесах, семь их
Плодящихся в глубинах океана;
Ни мужчины они, ни женщины,
Однако подобны ревущему ветру,
Ни жены у них нет, и сына они не порождают
Не ведая ни жалости, ни сострадания,
Они не слушают ни мольбы, ни просьбы.
Они как лошади, воспитанные в дикой местности,
Злобные существа Эа,
Держатели трона богов они,
Они стоят на дороге, оскверняя тропу,
Злобные они, злобные они!

В других табличках они предстают демонами зла, безжалостными и разрушающими, сражающимися со всеми силами, которые перечисляются в источниках халдейской магии.

Магические веревки завязывались семь раз, повторялось заклинание, поджаривались семь буханок из зерна. Чтобы излечить проказу, Нааману (Нееману) было велено семь раз окунуться в Иордан. Ребенок, которого Елисей воскресил из мертвых, чихнул семь раз, таким образом благополучно выпустив злых духов (Пар., 5: 10; 4: 35). Семь дьяволов, похваляющихся своим величием, в Античности обозначаются как семь богов.

Выявив семь дней, семь ветров, семь богов и семь дьяволов, астрономы перешли к поиску семи планет и, что примечательно, обнаружили их! Поиски оказались трудными и долгими. Поначалу планетами признавали только Юпитер и Венеру. Однако, найдя семь, астрономы выполнили поставленную задачу, завершив поиски.

Дж. Флетчер обратил мое внимание на аргументацию Франческо Сицци, флорентийского астронома, выступившего против открытия Галилеем спутников Юпитера, поскольку это увеличивало количество планет: «Существуют семь отверстий в голове: две ноздри, два глаза, два уха и рот. Так и на небесах встречаются благоприятные звезды, две неблагоприятные, светила и лишь Меркурий остается колеблющимся и индифферентным. Исходя из сказанного и многих других природных явлений, скажем, семь металлов и тому подобных (список длинный), мы предполагаем, что число планет обязательно равно семи. Кроме того,

³ Во время эпидемии чумы в XIV в. прибывавшие корабли должны были лежать в дрейфе неподалеку от берега в течение 40 дней, прежде чем причалить. (*Примеч. пер.*)

евреи и другие древние нации, равно как и современные европейцы, приняли деление недели на семь дней и назвали их в соответствии с семью планетами. Теперь же, увеличивая их число, вся система просто рухнет», – заявил он.

Тем временем вавилонский жрец-географ поделил землю на семь зон, архитектор построил по приказу Гудеа⁴ храм как «дом по семи делениям мира» из семи ступеней. Зиккураты (башни Вавилона) первоначально имели три или четыре этажа, никогда пять или шесть, и посвящались семи планетам. В конце концов, их оснастили семью лестницами, облицовывали глазурованными кирпичами семи цветов, углы разворачивали на четыре основные точки.

Отмеченные семь лестниц символизировали восхождение на небеса, тому, кто поднимался на вершину, обещали благоприятную судьбу. Дерево жизни с семью ветвями, в каждой из которых семь листьев, возможно, породило семь ответвлений подсвечника у евреев. Даже богинь называли семью именами и восхваляли их.

Выше говорилось о том, что нам доводилось наблюдать двойные семизначные группы богов и дьяволов. Семь стадий планет или семь ступеней башен добавлялись к идее восхождения или спуска, небес и ада. Во время схождения в Ад Иштар проходила семью воротами, где последовательно утрачивала свои одежды, пока не терялась в тени. Обеспокоенные ее продолжительным отсутствием, люди начинали молиться великому богу, который распорядился следующим образом:

Идите к Вратам земли, откуда не возвращаются, узнайте свою судьбу.

Перед вами откроются тогда семь ворот земли.

Иштар выводят обратно, задерживаясь у каждого ворот, чтобы провозгласить символы ее величия.

Это представление, бесспорно неизвестное Данте, послужило очевидной основой для постройки семи уступов Чистилища. Семь ступеней отмечают успешные стадии очищения, чтобы в итоге быть вознагражденным видением Земного рая на вершине или восьмом уступе.

В данном случае, как, впрочем, и в большинстве других, долговечность идеи более важна, чем сохранение конкретного мифа. Концепция семи шагов, совершенствуясь, оставалась общим средневековым представлением, проявляясь или в семи искусствах, или в семи добродетелях, но особенно в семи шагах, или стадиях, созерцания.

Первая концепция семи шагов получила астрологическое распространение в вере о прохождении души через сферы планет с приобретением их способностей и вбирая просчеты звезд. После смерти она восходила, возвращаясь к каждой планете в страстях и соответствующих ей расположениях, достигая, наконец, восьмого неба, одного за семью, чтобы насладиться вечным блаженством.

Все это превратилось в достаточно надежную астрологию, удовлетворившую Данте при размещении (в символической форме) похожим образом душ достойных по отношению к семи планетам в Paradise Завершающее видение Торжествующей церкви (включающей все остальные) появляется в восьмом небе, как апофеоз Воинствующей Церкви виден в седьмой ступени Чистилища.

Таким образом, мы можем умножить седьмую вавилонскую космогонию и религию, добавив их бесчисленных потомков из разных стран, поскольку немногим другим номерам было суждено оставаться настолько благоговейными.

⁴ Гудеа – вавилонский правитель из династии Ура (ок. 2700 г. до н. э.). (Примеч. пер.)

С приближенным делением года на 360 дней предпринимались попытки пересчитать лунный месяц, доведя его до 30 дней. Ввели в обиход число 30 в идеограмме для месяца, кроме того, добавили идеограмму «день». Подобным образом знак лунного бога Сина состоит из числа 30 и символа «бога».

Тридцатигодичный цикл через знаки зодиака обнаружили в перемещении Сатурна. Возможно, самый первый год состоял из 12 лунных месяцев вместе с 13-м, добавлявшимся позже время от времени, нейтрализуя неблагоприятный и вредный аспект. 12 знаков зодиака символизировали назначенных правителей месяцев.

20 (две декады) – символ завершенного цикла – тотчас использовали для обозначения деления дня. Изображения зодиака появились в начале 1117 года до н. э. В сообщении королевского астронома из библиотеки Ашшурбанипала примерно 2000 года до н. э. читаем:

На шестой день Нисана
День и ночь уравнились.
Было шесть «двойных часов» дня,
Шесть «двойных часов» ночи.
Пусть Набу и Мардук
Смилостивятся над королем, моим господином.

В «Эпосе о Гильгамеше» 12 и 7 скорее, чем 10, признавались круглыми цифрами. Это произошло не ранее, чем избрание 12 иногда невидимых звезд в качестве предмета поклонения, и дуализм добра и зла, который мы наблюдали в действии в виде семи богов и семи дьяволов, образовал различие между 12 звездами в Северном и 12 звездами в Южном полушарии. Они стали 24 судьями, ныне здравствующими и умершими. Возможно, они присутствуют как 24 старейшины в высшей астрологической книге Откровения. Все это естественно вытекает из 12 «двойного часового» деления дня в отношении к 24 единичным часам, 12 в дневное время и 12 в ночное.

Тем временем в астрологическом развитии древнее число 3 вовсе не было забыто. Вавилонский пантеон времен Гудеа включает две триады. Первая, высшая, состоит из Ану, Бела и Эа, правителей неба, земли и воды. Вторая – из Сина, Шамаши и Рамана, управлявших луной, солнцем и бурями. Последняя триада иногда варьируется, Раман заменяется Иштар, утренней и вечерней звездой.

На пограничных камнях, датированных начиная с XIV века до н. э., полумесяц и диск, содержащие звезду, символы луны, солнца и Венеры, присутствуют вместе с обращениями к мощи правителей зодиака. Принятие десятидневной недели и тридцатидневного месяца обеспечили использование 3 в неделях месяца, управляя звездами, или, как они назывались, богами-советниками:

Он построил дом для великих богов,
Устроил звезды в их подобии,
Он зафиксировал год и разработал знаки зодиака,
Поскольку поместил три звезды в каждый из двенадцати месяцев.

То, что сложный символизм, представленный в вавилонской религии, не исчез, как таблички, на которых он был выгравирован, подтверждается повторным появлением тех чисел во многом в той же самой связи, где позже использовался цифровой символизм. Дар астрологии приняли все поздние цивилизации. Египтяне – двенадцатимесячный год вместе с поправкой в виде пяти дней, добавленных для согласования календаря с солнечным годом.

Тридцать шесть звезд стали гороскопом, который определил все события людей. Одновременно отдали должное 28 лунным домам и 28 созвездиям. Льюис предположил, что различные сообщения о жизни феникса отражают приближение Великого Года. Триста и шестьдесят или 365 огней зажигались в честь Осириса.

Похоже, у каждой древней цивилизации существовали свои значимые числа. Двенадцать спиц в колесе индуистской колесницы уравнивались 12 воротами ада, где египетский Ра должен был проводить 12 ночных часов. Кто не слышал о 12 подвигах Геракла, 12 греческих богах, 12 ветрах, 12 племенах Израиля, 12 римских богах, 12 римских табличках?

Сила суеверий снова комментируется Геродотом: «Ионийцы основали в Азии 12 городов и отказывались увеличить их число на том основании (как я предполагаю), что, обитая в свое время в Пелопоннесе, они разделялись на двенадцать государств». Совершенно не важно, объективно ли заявление Геродота, это прекрасный пример суеверно приобретенной потребности сохранения традиционного числа.

Тем временем использование астрологии для прогнозирования заняло особое положение в Вавилоне, Персии, Египте, Греции и Риме. Во избежание путаницы, считаю необходимым разграничить астрологию как концепцию и как профессиональную практику прогнозирования по звездам. Под астрологическим концептом я подразумеваю веру в то, что все звезды являются богами, ангелами, демонами и рукой Господа. Считали также, что они непосредственно влияли на земные дела. Астрология как профессия предполагала точное и подробное знание этого влияния.

Одним из известных средневековых руководств по астрологии считался *Mathesis* («Познание») Фирмика Юлия Матернуса Младшего (*лат. Firmicus Julius Maternus Junior*).

В IV веке Фирмик Матернус, знания которого основывались на древнеегипетской и вавилонской мудрости, рассматривал человеческую душу как искру Божественного ума, также воплощенного в звездах, видя в астрологе посредника между человеческими душами и небесными телами.

В его книге описаны 12 знаков, разделенных на две группы по шесть, левую и правую, или мужскую и женскую. Им соответствуют семь планет, принимающих мужской и женский знаки или дома по отношению к каждой из пяти планет и причисляя оставшиеся два знака к Солнцу и Луне. Женский Рак – к Луне, мужской Лев – к Солнцу. К каждому знаку относятся три декана и, соответственно, 30 частей. Каждая часть затем делится на 60 минут.

Также выделены четыре направления, или «границы рождения», четыре места: бога, богини, благоприятной судьбы и добродетельного демона. Влиятельными считались и пять земных зон, с помощью которых объяснялись и отменялись классические возражения скептиков о том, что все африканцы, рожденные под этим знаком, черные.

При составлении гороскопов требовались различные более или менее сложные манипуляции, включая умножение и деление астрологических чисел, 28 и число Луны. Со временем это учение значительно дополнилось, без изменения первоначальной сущности. Важно, что астрологические числа, наряду с верой в отношения микрокосма к макрокосму, остались неизменными.

Следы астрологического числового символизма прослеживаются в большинстве наук, псевдонауках и магии Средних веков. Правда, их роль несравнима с необычайным авторитетом Ветхого Завета, в котором, как известно, в изобилии представлена вавилонская числовая символика. В канонических книгах эти сведения охватывают период от древнейших мифов до Книги Эсфирь I века н. э. Числовая символика сохраняет вавилонскую основу, временами заслоняемую позднейшими наслоениями, как, например, в случае с историей о потопе, отражая не всегда последовательные попытки обновления.

Древнее число 7 получило санкцию Иеговы в первоначальном акте творения. Свет, Небесный свод, Жизнь растений, Небесные тела, Рыбы и Птицы, Животные и Человек –

вот семь созидательных специально выделяемых актов. В то же время велением Господа учредили семь дней.

Соответствие между семью днями и семью творениями позволяет предположить, что каждому этапу первоначально отвели отдельный день для определенного создания, к которым затем, узнав о вавилонском «шабаше», добавили седьмой день, чтобы преодолеть несоответствие субботы и созидательного действия.

Следовательно, человек потерял положение отдельного создания и был вынужден делить свой день с животными. Данный миф привел к появлению другого – о шести веках творения (шесть дней по 1000 лет каждый), завершившихся великим шабашем Вечного покоя.

Между сказаниями о сотворении мира и потопе вставлены две генеалогические таблицы. В первой прослеживаются потомки Адама от Каина, не имеющие исторического смысла, зато существенные в числовом, потому что включают семь имен, седьмое – Ламех, живший 777 лет и хваставшийся: «Если за Каина отомстится всемеро, то за Ламеха в семьдесят раз всемеро» (Быт., 4: 24).

В Ламехе, который повторил грех Каина, впервые проявилось вавилонское число 7 – обозначение греха и искупления. Оно стало традиционным числом жертвы, отчего чистые животные входят в ковчег по семь пар (Быт., 7: 2–3). Иногда 7 использовалось в качестве обозначения рабства, как в случае с семью годами, когда Иаков служил Лавану и затем снова служил за Рахиль (Быт., 29).

Иногда оно символизирует период суда и наказания, как в эпизоде с семью месяцами, в течение которых ковчег Завета оставался в руках филистимлян (1 Пар., 6: 1), и 70 лет рабства (2 Пар., 36: 20; Иер., 25: 11; 29: 10). В других примерах 7 явно является числом греха и искупления, согласно предопределению Господа: «То и Я пойду против вас и поражу вас всемеро за грехи ваши» (Лев., 26: 24), в седьмой же месяц положено смирять души и проводить очищение (Лев., 16: 29).

Вторая родословная, связанная с созданием и наводнением, состоит из 10 допотопных патриархов, чьи вавилонские предки упоминаются (Быт., 5). В этой таблице Енох, перемещенный в награду за свою добродетель («Бог взял его»), относится к седьмому поколению. Семь лет изобилия и семь дней голода в Египте позволяют представить живописную версию противопоставления противоположностей, Ламеха и Еноха, близнецов зла и добра.

Семь добродетелей установлены Господом семикратным произнесением в Бытии: «И увидел Бог, что это хорошо» (Быт., 1).

Отражается в семи днях рассказа о сотворении, семи днях еврейской пасхи, семи ветвей меноры (подсвечника). (Семизвездие, Амос, 5: 8.)

7000 праведных в Израиле,

Семь тысяч мужей (3 Пар., 19: 18).

7 поклонов Иакова (Быт., 33: 3).

И, по обычаю, в ритуале, где непременно соотносятся жертвоприношение и благословение.

Даже семь пророков упоминаются в Книге притчей Соломоновых: «Премудрость построила себе дом, вытесала семь столбов его» (Притч., 9: 1). Расширение семи превратило 70 в значимое еврейское число. Встречаются 70 племен «сынов Ноев» (Быт., 10: 32), 70, которые «перешли в Египет» (Быт., 46: 27), 70 детей Иакова, «происшедших от чресел Иакова» (Исх., 1: 5) и 70 «мужей из старейшин народа» (Числ., 11: 24).

Те немногие, среди которых оказались бесчисленные семикратные со страниц Ветхого Завета, свидетельствуют о воодушевлении, с которым израильтяне приняли цифровую символику, возможно выведенную Авраамом из Ура Халдейского (Быт., 15: 7).

Евреи совершенно независимо усилили и выкристаллизовали значение семи образов от него, понятие, которое мы подметили в священности числа 8.

Так же как в связке 9—10 и по причине, которая вычисляет 7 раз 7 лет и освящает пятнадцатый, 8 стало днем изобилия после поста, днем очищения после нечистоты и, кроме того, днем обрезания. Храм освящается на восьмой день (2 Пар., 29: 17), и восемь сыновей стали знаком благословения до Абрама и Овед-Едома. В последнем случае указывается на священный характер 8. Перечислены сыновья проводника. Многие имели более восьми сыновей. Тем не менее читаем, что Овед-Едом имел сыновей, «потому что Бог благословил его» (1 Пар., 26: 5).

Тем временем число 40 оставалось в Ветхом Завете в своем значении, намеком на испытания и лишения. Согласно одной из версий, наводнение длилось 40 дней (Быт., 7: 17). Законодательно устанавливалось, что «можно дать ему» 40 ударов (Вт., 25: 3). Неосознанный вклад в законодательство делался Плеядами во время 40 или дважды по 40 дней очищения после деторождения (Лев., 12: 2—5). Семь дней «нечистоты» также присутствуют в этом ритуале, поскольку в подсчетах периодов первые 7 или 14 дней разнятся с оставшимися.

Таковы и 40 лет филистимлянского господства над Израилем: «И предал их Господь в руки филистимлян на сорок лет» (Суд., 13: 1), 40 дней в пустыне (Исх., 16: 25), 40 дней Моисея на Синае: «И был Моисей на горе сорок дней и сорок ночей» (Исх., 24: 18), 40 дней странствия Илии (3 Пар., 19), 40 дней оплакивания Иакова (Быт., 50: 3), 40 дней проповедования Ионы (Ион., 3: 4).

На основании первоначального значения 40 предстают как «предопределенный» период, возможно, результат утверждения, что после наводнения продолжительность жизни человека составляет 120 лет, точно делящихся на три периода по 40 дней каждый: «Пусть будут дни их сто двадцать лет» (Быт., 6: 3). 120 и 20 составляют одну треть астрологического 360. Так делилась жизнь Моисея, Соломона (3 Пар., 11: 42), правление Ииуя (2 Пар., 12: 1) и Давида (2 Пар., 5: 4), составляя по 40 дней у каждого (см. также Числ., 13: 26; Суд., 3: 11; 5: 31; 8: 28) с общим повтором: «И покоилась земля сорок лет во дни».

Начиная с Исхода до строительства храма, который делился на четыре периода по 120 лет каждый, прошло 480 лет, строительство же храма началось на четвертый год правления Соломона. Как указывает Фарбридж, общее количество составляет 12 поколений по 40 лет, период повторяется с этого времени вплоть до изгнания вавилонян.

Подсчеты времени примечательно отразились в признании 40, 3, 4 и 12 как логических временных измерений, равно как и необычайно значимых чисел. Использование интуитивного статистического числа 3 проходит через весь текст Библии, сохраняется некоторая вероятность, что божественность 3, возможно, происходит из Египта. Тройное благословение Господа в Бытии (фраза «Господь благословляет» повторяется три раза) является четким указанием. Несколько других отсылок можно объяснить не только со статистической точки зрения. Иезекииль, явно осведомленный о числовом символизме, указывает Ноя, Даниила и Иова, обладавших особенной святостью (Иез., 14: 14). Господь взывает к Самуилу три раза (1 Пар., 3). Илия возвращает ребенка к жизни, «простершись над отроком трижды» (3 Пар., 21).

Возможно, имеет значение то обстоятельство, что армия Гедеона победила только после того, как ее число уменьшили с 32 000 до трех компаний. Автор, очевидно, сведущ в числовом символизме, поскольку дал Гедеону 70 детей, подчеркивая тот факт, что 300 несли 300 труб, 300 ламп, 300 кувшинов или по три предмета за штуку (Суд., 7).

Три раза в год всем мужчинам Израилевым велели являться перед Господом во время трех годовичных праздников: «Три раза в году должен являться весь мужеский пол твой пред лицо Владыки, Господа» (Исх., 23: 17). Господь призывается в Псалтыре (Пс, 50) и в Книге Иисуса Навина (Иис. Нав., 22: 22): «Бог богов Господь, Бог богов Господь, Он знает, и Изра-

иль да знает! Если мы восстаем и отступаем от Господа, то да не пощадит нас Господь в сей день!»

Считалось значимым, по крайней мере в Средние века, явление трех ангелов Аврааму (Быт., 18:2). Некоторые из триад неясны. Три праздника, возможно, происходят из сельскохозяйственных обрядов. Другие три можно объяснить исключительно статистикой, в их числе, вероятно, оказались три деления земли («Сии трое были сыновья Ноевы, и от них населилась вся земля» – Быт., 9: 19), три дня и три ночи Ионы во чреве кита (Ион., 2: 1).

Даже если не принимать подобные возможности, можно встретить указание на то, что божественное 3 было известно, хотя евреи и не придавали ему особого значения. Однако для средневековых теологов все отмеченные триады, по идее, имели священное значение.

Смысл древней тетрады (группа или набор из четырех предметов) точнее устанавливается через ее использование во второй версии мифа о создании. Это так называемая иеговистская (яхвистическая) версия, возможно, старше первой, живописной истории, где признание числа весьма древнее. Три из четырех рек напоминают египетский миф и бесспорно относятся к тем же четырем частям мира, которые признаются повсеместно.

Они проявляются в четырех ветрах Иезекииля (Иез., 37: 9), Даниила (Дан., 7: 2), в четырех частях неба в Книге Иова (Иов., 9: 9), в четырех золотых кольцах в ковчеге Завета (Исх., 25: 12) и покрывале (Исх., 26). В 12 быках, по три из которых смотрят каждый в свою сторону, «море лежало на них» (3 Пар., 7: 25). В пророчествах и Откровении постоянно упоминаются четыре зверя, четыре птицы или четыре ангела.

М. Фарбридж, подметивший подобное использование, добавляет:

«Благословения и проклятия, которые обычно смешивают, имеют четырехкратный характер. Так Варлаам во время прорицания «обратился лицом к пустыне», приняв четырехкратное деление (Числ., 24: 3, 15, 20, 23). В своем последнем пророчестве предсказывает, что Израиль одержит победу и станет преобладать над своим врагами, разрушив мощь всего мира. Пророчество делится на четыре части четырехкратным повторением слов: «И произнес притчу свою».

Поскольку было известно, что год надо делить на 12 месяцев, естественно, число 12 использовалось в другое время и для пространственных делений. Чтобы собирать налоги, Соломон легко разделил свое царство на 12 районов, вероятно, по аналогии с мифом о 12 племенах, на самом деле вымышленных, придуманных. Однако предания воздействовали мощно, и если число упоминается, как в Третьей книге Царств: «И взял Илия двенадцать камней, по числу колен сынов Иакова» (18: 31), речь идет именно о 12 племенах.

Только после принятия двенадцатичасового дня и двенадцатичасовой ночи перемен уже не ожидали. Тогда автор Хроник из священников (IV в. до н. э.) побудил Давида разделить сыновей Аарона на 24 последовательности, так чтобы учитывались часы дня или ночи. Назначили также 24 певца, по 12 сыновей и братьев у каждого. Другие 12 сделали стратегами, соответственно своему месяцу, чтобы управлять 24 тысячами человек (Пар., 24: 25).

Руководствуясь аналогией, автор Хроник делит продолжительность мира на 12 периодов, из которых, как он полагает, ЮУ₂ уже прошли. Последнее уточнение, наряду с общим наивным образом числа в первых книгах Ветхого Завета, указывает, что вавилонский цифровой символизм проник в Израиль в форме мифов задолго до того, как евреям стали известны хотя бы азы астрологии.

Миф же о 12 племенах, скорее всего как всякая космическая теория, произошел от значения числа 12. Так и 10 заповедей, откуда бы они ни произошли, расценивают как отпечаток божественного одобрения. В многочисленных отрывках 10, как и у Гомера, символизирует бесконечность или огромное количество.

Лучшим подтверждением сказанного является упоминание 700 жен и 100 наложниц у Соломона. Видимо, упоминание о 70 женах и 300 наложницах более реально, однако вели-

чие Соломона должно было подтверждаться не меньшим по значимости числом, чем десятикратное, стократное или тысячекратное.

Возможно, в поздних обновлениях под влиянием пифагорейских математиков самым совершенным числом стало 10. Ной относился к десятому поколению и «был человек праведный и непорочный в роде своем» (Быт., 6: 9). Десятикратное повторение фразы «Господь сказал» во время рассказа о творении, бесспорно, вытекает из его распоряжений, перечисленных в любой из трех версий Декалога, десяти заповедей (Исх., 34: 1—28; Исх., 23: 1-19; Втор., 5: 6-21).

Десять бедствий, выведенных из семи первых источников, показывают силу Иеговы, десятая часть отдается в знак того, что из целого десятая отдается Господу. Собственность Иова уместна, ибо перечислена в группах из семи сыновей и трех дочерей, 7000 овец и 3000 скота, 500 пар запряженных волов и 500 ослов. «И был человек этот непорочен, справедлив и богобоязнен» (Иов., 1:1).

В обрядах 10 является весьма значимым числом. В храме Соломона находилось 10 чаш для омовения, 10 подсвечников, 10 престолов. Херувимы высотой в 10 локтей с таким же размахом крыльев. Медная купель в диаметре также составляла 10 локтей. Десять священников Давид «поставил на службу перед ковчегом» (1 Пар., 16: 4).

В нашем беглом обзоре невозможно полностью осветить все источники, посвященные соблюдению евреями числового символизма, и вдаваться в отдельные или спорные случаи, не имеющие прямого отношения к поздним представлениям. Лучшего результата мы достигнем, обратив внимание на особую группу еврейских сочинений, подпадающих под общее понятие «апокалипсические» и благодаря использованию их астрологических знаний открывающих новую стадию в истории числового символизма.

Потеряв политическую независимость, евреи задумались о том, чтобы объединить своих разрозненных представителей с помощью жесткой формализованной религии. В результате «обнаружили» многие древние рукописи, в которых древние патриархи и пророки предупреждали о будущих бедствиях (сегодня осознанных), вытекающих из моральной распущенности, подчеркивая необходимость строгой привязанности к законам. Они верили в Мессию, несущего духовную свободу и, по некоторым версиям, искупление грехов набожным людям.

Их влияние обуславливалось высказываниями в форме видений, дарованных им за их необычайную набожность. Самыми известными трудами подобного рода являются книги пророков Иезекииля и Даниила, наряду с Новым Заветом – прототипом Откровения. Встречается множество подобных апокрифов, причем их авторы заявляют о том, что они относятся к древности. Среди них – эфиопская «Книга Еноха», славянская «Книга тайн Еноха», «Заветы двенадцати патриархов», «Восхождение Исаака», «Апокалипсис Варуха», «Моисей», «Апокалипсис Авраама» и в подобном ключе «Пророчества Сивиллы».

Помимо значения в упрочении традиционных священных чисел евреев по отношению к их астрологическим источникам (четырем узловым точкам, 12 знакам зодиака) откровения помогали подчеркнуть неотъемлемую идентичность всех групп, определяемых идентичным номером.

В их числе четыре времени года, четыре фазы луны, четыре добавленных дня для согласования календаря с солнечным годом. Осознание того, что эти четвертичные периоды соотносятся с выражениями одной и той же фундаментальной истины, отражается в именовании лунных фаз на основании важнейших точек. Возможно, следует заметить, что 4 – архетипический образ для макрокосмоса: «Даю ему имя от четырех стихий Востока, Запада, Севера и Юга» (Книга тайн Еноха, 30: 13).

К счастью, данное положение объясняется в «Пророчестве Сивиллы», где говорится, что греческие направления, приведенные в заданном порядке, воспроизводят исходные буквы имени Адам.

Общая взаимосвязь делает возможным прогнозирование, и продолжительность мира можно предсказать благодаря знанию вечных образцов. Среди больших астрономических чисел оказались 4, 12 и 7. Возраст мира, как известно, делился на четыре периода, 12 частей или на 7000 дней, 70 поколений или 7 недель.

Вовсе не предполагалось, чтобы числа откровений были доступны обыденному сознанию. Первоначально в астрологии они представляли собой план Вселенной. В таком качестве они известны Господу и немногим, на которых распространялась его благодать (например, Енох). Для благочестивых это предмет поклонения, не говоря о моральном постижении. Окружавший число сакральный ореол пояснялся священным числом, известным только Господу, который определил время прихода Мессии: «И тогда останется известное мне число праведных».

Когда число наконец открылось святому Иоанну, оно оказалось астрологически целостным образованием: «И я слышал, число запечатленных было сто сорок четыре тысячи из всех колен сынов Израилевых» (Откр., 7: 4).

Глава 3

Пифагорейский культ чисел

Пока астрологические числа Древнего Вавилона вместе с их многочисленными ассоциациями переносились в христианскую эпоху, в Греции зародилась независимая философия числа, которая во многих своих вариантах стала известна в Средние века как пифагорейская.

О самом Пифагоре (580–500 гг. до н. э.), которого Геродот называл «величайшим эллинским мудрецом», достоверно ничего не известно. Согласно легенде, после путешествий и длительного пребывания в Вавилоне и Египте он вернулся на Запад и основал в Южной Италии тайный культ, трактующий мистическое объяснение Вселенной.

Члены братства объединялись пожизненно, связанные клятвой и особым мистическим ритуалом, напоминая некоторые восточные мистерии, и соблюдением строгих этических и рациональных предписаний. Школа быстро расширялась и приобрела значительное политическое влияние, однако благодаря ее политическим или религиозным взглядам подвергалась жестоким преследованиям. Как предполагают, во время их Пифагор и погиб.

Самое пространное описание раннего пифагорейства дается Аристотелем: «В это же время и раньше так называемые пифагорейцы, занявшись математикой, первые развили ее и, овладев, стали считать ее начала началами всего существующего. А поскольку среди этих начал числа от природы суть первое, в числах пифагорейцы усматривали (так им казалось) много сходства с существующим и возникающим, более, чем в огне, земле и воде (например, некое свойство чисел справедливость, а иное – душа и ум, другое – удача, так можно сказать по каждому остальному случаю). Далее они видели, что свойства и соотношения, присущие гармонии, выразимы в числах. Следовательно, им казалось, что все остальное по своей природе явно уподобляемо числам, и числа – первое во всей природе. Они предположили, что элементы чисел – суть элементы всего существующего, ибо есть гармония и число. И все, что они могли в числах и гармониях показать согласующимся с состояниями, частями неба и всем мироустроением, они сводили вместе и приводили в соответствие друг с другом; и если у них где-то получался тот или иной пробел, они стремились восполнить его, чтобы все учение было связным» (Метафизика, кн. 1).

Очевидно, Аристотель не выражает благожелательности. Тем не менее Филолай (ок. 450 г. до н. э.), чей труд, посвященный пифагорейским доктринам, сохранился фрагментами, подтверждает это заявление основным положением пифагорейства: «В основе всех вещей лежит число, – учил Пифагор, познать мир – значит познать управляющие им числа».

Источник подхода пифагорейцев к числу – два главных принципа: возвышение десятка, содержащего все числа и, следовательно, вещи, и в геометрической концепции математики. Из первой посылки, по Аристотелю, образовалась их космическая теория.

В центре Вселенной помещен центральный огонь, вокруг которого вращаются Земля, Солнце, Луна, планеты и постоянные звезды. Итоговое целое из девяти сфер настолько отвратительно их вере в силу организованной и математической Вселенной, что невидимая «противоположная земля» должна была завершить эту декаду. Число 10 для осознания завершенности было просто необходимо, поскольку все вещи содержались внутри декады, а после 10 числа просто повторялись.

С другой стороны, геометрический подход к математике доказывал связь (отличную от астрологической) между абстрактным числом и конкретной реальностью. Именно благодаря цифрам, заметил Филолай, вещи и становятся известными. Следовательно, число 1

представляется точкой. Число 2 позволяет расширение, ибо линия проводится, присоединяясь к точке.

Все же ни точка, ни линия не являются вещественными предметами. Как бы то ни было, триада представлена треугольником, первой плоской фигурой и, следовательно, первым реальным числом. Треугольник становится основой базы всех предметов, постижимых чувствами. Суть замечания Платона – в том, что поверхность состоит из треугольников.

Что же касается числа 3, это самое фундаментальное представление поверхности, так что из числа 4 производится первое геометрическое тело. Ведь если четвертая точка устанавливается в среднем положении над треугольником и соединяется линиями с тремя его точками, получается пирамида, или тетраэдр, четырехгранник, состоящий из треугольных поверхностей.

Или, как подметили поздние комментаторы, поверхность ограничивается тремя точками, восходящими к размещенной сверху. Выявлены пять подобных «регулярных» твердых тел, состоящих в основном из треугольников. Первые четыре – тетраэдр, октаэдр (восьмигранник), икосаэдр (двадцатигранник) и куб – ассоциировались у Платона с огнем, воздухом, водой и землей.

Подчеркнем, огонь, первый принцип пифагорейской космографии, оставался единственной фигурой, чья поверхность четырехугольная и связана с землей, таким образом добавляя философскую поддержку традиционной вере в квадратную форму земли.

Существовавшие четыре элемента во многом влияли на стабильность мышления многих греческих философов, полагавших, что есть четыре, вместо пяти, постоянных тела. Платон или подчеркивал, что пятый включает и

управляет остальными четырьмя, или обходил выдвинутое положение, когда заявлял, что додекаэдр, двенадцатигранник с 12 пятиугольными лицевыми сторонами, «используется, чтобы приукрасить Вселенную созвездиями». Позже философы уделяли особое внимание определению природы двенадцатигранника.

Здесь, как и в «Республике», порядок осуществления действия и терминология геометрические по своим свойствам. «Свадебное число» «Республики» образуется из известных 3, 4, 5 правильных треугольников, знакомых египтянам по крайней мере уже в 1000 году до н. э. Они явно любимые фигуры и самого Пифагора. Вероятно, так вполне было в Античности, где измерения оказывались необычно рациональными и чьи стороны, 3 и 4, первые ровные числа и первое солидное число, объединялись, чтобы произвести гипотенузу, 5, число постоянных тел.

Краткое изложение Эвклидом трудов греческих математиков также свидетельствует о преобладании геометрического мышления над арифметическим и обнаружении гармонических пропорций, приписанных Пифагору. Должно быть, оно происходит из геометрического опыта прижимания натянутой струны или наблюдения за относительным весом кузнечных молотов.

Из геометрии вытекает пифагорейская концепция совершенного числа, которым является сумма не ее делителей, а ее кратных частей. Она, должно быть, придает особый вес их философии, обнаруживая, что первое совершенное число $6 = (1 + 2 + 3)$ находится в области больших 3, 4, 5 правильных треугольников, а второе совершенное число – 28 – оказывается астрологическим значительным.

Подобное сочетание философии и геометрии побуждало рассматривать «математику» и «пифагорейство» как почти трансформируемые понятия. Некоторые пифагорейские открытия, например различение четных и нечетных чисел, простого числа, оказывались исключительно математическими.

Другой пример организации рациональных целых чисел образуется по аналогии с точными числами. Далее начинают классифицировать числа, подразделяя на простые и состав-

ные, исходя из отношений числа к кратным частям. Сказанное относится также и к геометрической концепции.

Согласно терминологии, используемой в алгебре, кратные части чисел являются делителями, исключаящими себя. Следовательно, простое число делится на единицу и самое себя. Так, например, делителями 6 являются 1, 2, 3 и $1 + 2 + 3 = 6$. Составное число то, чьи части складываются в сумму меньшую, чем число. Кратные части 14 – 1, 2, 7, целое же составляет всего 10. Избыточное число также предоставляет части для деления: 12 – 1, 2, 3, 4, 6, в сумме же 16.

Числа характеризуются и метафорически. Обнаружили, что сумма любого числа последовательных арифметических понятий (начинающихся с одного) образует треугольник 1, 2, 3.

Отсюда и распознавание треугольных номеров. Квадратные номера выстраиваются добавлением любого числа последовательных понятий серии нечетных чисел, начиная с 1. Последовательное добавление четных чисел, следуя той же самой схеме, создает продолговатые числа со сторонами, различающимися единицей. Продолговатое число еще является удвоением числа треугольного. Наконец, взятое восемь раз любое треугольное число плюс 1 равно квадрату.

При этом исключительное философское наполнение числа вовсе не теряли из виду. Многие, следуя руководству Платона и, возможно, Пифагора, продолжали видеть в декаде архетипический образец Вселенной, а в членах декады – воплощение божественных идей. Например, доктрина так называемых неопифагорейцев, преуспевавших с I столетия до н. э. вплоть до V века, создавших традицию, которая явно сохранилась и послужила примером для несохранившихся сочинений их предшественников.

Описание школы дошло до нас в сочинениях Филона Александрийского (Филона Иудейского, Philon Alexandreos; ок. 25 г. до н. э. – ок. 50 г. н. э.), Никомаха (*греч.* Νικόμαχος; ок. 60 – ок. 120 г. н. э.) и Плутарха из Херонеи (*др. – греч.* Πλούταρχος; ок. 45 – ок. 127 г. н. э.). Все авторы, представлявшие пифагорейство в Средние века, сходились в суждениях по поводу значения и свойств чисел. Для них число являлось первым принципом и арифметическим ключом к космическим тайнам. Никомах, в частности, писал: «Все, что по природе подчиняется систематическому методу, устроено во Вселенной как в частях, так и в целом, определено и сведено к соответствию с числом, благодаря продуманности и разумению его, того, кто создал все сущее. Ведь образец был устроен как предварительный набросок, доминирование числа, ранее существовавшего в сознании создавшего мир Господа.

Только отвлеченное и нематериальное во всех смыслах число. Однако в то же время истинная и неизменная сущность, что с ним соотносится, как художественный план, должна создать вещи, время, движение, небеса, звезды, любые изменения. Необходимо, чтобы научное число, устанавливаясь над всем, что отмечено, гармонично устроится не только с помощью других, но благодаря самому себе».

Поскольку числовые понятия после 10 проистекают из декады и прямо «очевидны и бесспорны», упорядоченные и ограниченные предшествуют неограниченным и бесконечным. Отсюда через анализ свойств первых десяти чисел выявится не только их природа, но также образец Вселенной в том виде, в каком он существует с точки зрения Господа.

Видимые усилия греческой философии обычно направлялись в сторону анализа разложения единства. Говорят, Эмпедокл из Акраганта (*др. – греч.* Ἐμπεδοκλῆς; ок. 490 – ок. 430 г. до н. э.) заявлял, что «Вселенная попеременно находится в движении и в покое, когда любовь производит одного из многих или соперничает, чтобы произвести многих из одного. В покое же в промежуточные периоды».

Даже здесь, где размещены два государства, объединяющий импульс, очевидно, воспринимается как самый желанный. Вполне естественно, пифагорейцы считали монады первым принципом, из которого вытекают другие цифры.

Само по себе не число, а, скорее, сущность является бытием, как и точка, назначенная потенциальным числом. Она, хотя и не плоская, может организовывать плоские (двухмерные) фигуры. Как первый создатель, монада является добродетелью и Господом.

Они в равной степени нечетные и одинаковые, мужское и женское, ведь, когда добавляют единицу к нечетному, образуется четное, она же, добавляясь к четному, снова производит нечетное. Это основа и создатель числа, однако, хотя действительно и является великим единым нечетным, более родственна мужской нечетности, чем к женской одинаковости. Короче говоря, они всегда используются, чтобы представить добродетельное, желаемое и существенное, неделимое и несозданное.

Если 1 – точка и доводится отцом числу, то линия – мать числа. Что же касается линии, она образуется расширением монады, и, поскольку каждое число, даже большое, объединяется в группу, декада приобретает мистическую известность как многообразное единое.

Линия не является ни пространственной, ни конкретной, следовательно, как и монада, точка скорее принцип, чем действительное число. В таком качестве она представляет собой разнообразие, отличающееся от единства и по той причине иногда имеющее эпитет «открытый».

Таким образом, представляет материю или существование, мать элементов, вечное, но не постоянное, противопоставленное Сущности или Идее. Поскольку все делимое изменчиво и материально, число избыточно и недостаточно множественности и человеку, ибо он одновременно является животным и разумным существом.

Судя по всему, отмеченные первые две принципа находятся в вечной оппозиции, отчего представляют соответственно интеллектуальное и чувственное, бессмертное и смертное, день и ночь, правое и левое, восток и запад, луну и месяц, равенство и неравенство.

От неустойчивой дуады исходит вереница однородных чисел, называемых женскими, потому что они слабее, чем нечетные, поскольку полые в центре, в то время как нечетные числа делятся, середина всегда остается. Более того, нечетное число всегда лучшее, ибо оно, даже смешанное (добавленное), всегда обеспечивает нечетное. Однородное плюс неоднородное никогда не образует нечетную сумму, однако образует однородное число. Однородные числа – дурное предзнаменование, относящееся к низшим богам.

Если женские числа еще недостаточно порицаются, к ним прикрепляется стигматa бесконечности, явно по аналогии с линией. Идея бесконечности оказалась мощной, можно утверждать, что принципы ограниченности и общности стали самым значимым вкладом пифагорейцев в математическую мысль, поскольку, по аналогии с их математикой, так во многом поддерживалась вера в упорядоченный и ограниченный мир.

Бесконечность, как заявляет Прокл, должна восприниматься не родственной Единому, а быть с ним в противоречии. Значит, многообразие богов ограничено.

Плотин добавляет: «Бесспорно, мироздание велико и прекрасно, но прекрасно только в той степени, как если единство удерживает его от рассеянности в бесконечности».

Поскольку 1 и 2 являются единственными принципами или возможными числами, 3 становится первым настоящим числом и представляет всю реальность не только через образ «поверхности», но и имеет начало, середину и конец. Благодаря свойствам триады, единство и разнообразие которых составляется, они возвращаются к гармонии, «потому что среднее число, выступающее посредником, связывает два других в единый завершенный порядок».

Не менее мистическое объяснение дается в *Theologoumena arithmeticae*: «Как сычуг [четвертый отдел желудка тельца] свертывает текущее молоко с помощью созидательных и активных способностей, объединяющая сила монады,двигающая дуаду/триаду, источник

свободного движения и разламывания, устанавливает связи и форму, то есть число, над триадой, являясь началом фактического числа, определяющегося сочетанием монад».

Согласно пифагорейской теории триаду можно выявить в логике христианской Троицы. Хотя Господь, по существу, Един, однако «каждый божественный порядок имеет внутреннее единство и происхождение от своего высшего, своего низшего и своего последнего термина». Возможно, лучшее определение триады в том, что она представляет собой совершенное единство, поскольку постижима человеком через опыт благодаря свойствам своей формы. По той же причине она соотносится Платином и Диогеном Лаэртским с душой. 3 является также первым нечетным числом, мужским, конечным и богоподобным. Помимо этих качеств, стоит отметить, что прогрессия нечетных чисел от монады всегда производит квадрат.

Тетрада завершает список архетипических чисел, представляющих точку, линию, поверхность и твердое тело. Однако они получили известность, прежде всего, благодаря тому, что производят декаду, или как сумма $(1 + 2 + 3 + 4 = 10)$, или в цифровом выражении 10 как трехгранное число. Эта фигура называется «тетрактис», легендарная клятва пифагорейцев.

Лукиан в книге «Собор богов. Продажа жизней с аукциона. Рыбак, или Воскрешение» характеризует пифагорейцев как просителей, они предлагают возможному покупателю «посчитать». Когда тот считает до 4, философ перебивает со словами: «На самом деле это десять, клянусь тебе в этом!»

Филон добавляет, что существует четыре группы чисел: единица, десяток, сотня и тысяча, и все они измеряются тетрактисом. Равно как $1+2+3+4=10$, так и $10+20+30+40=100$, $100+100+300+400=1000$. 4 тоже число квадрата, представленное в элементах, сезонах, четырех возрастах человека, четырех принципах разумного животного, лунных фазах и четырех версиях.

Сложение и умножение мужского 3 и женского 2 образует «свадебные числа» 5 и 6. Оба они порождение первопричины, ибо неразложимы на множители и всегда возвращаются к себе. Природа 5 охватывает все живущее: пять сущностей, пять частей музыкальной гармонии, пять зон, пять жителей мира (растений, рыб, птиц, животных, людей) и пять чувств. Капелла определяет их как числа этого мира, поскольку из совершенного круга, представленного как 10, он выдвигает данное полушарие.

6 – женское «свадебное число». Его несовершенство проистекает из того, что оно единственное совершенное число внутри декады и вбирает базовые номера 1, 2 и 3. Капелла называет его Венерой.

Пифагорейская философия числа вряд ли утвердилась, если бы не отвела особую роль могущественной гептаде (гептаграмме). Она считала 7 символом совершенной изоляции и, следовательно, первым родственником монады. Один цикл завершается совершенным числом 6.8 – это куб числа 2, 9 – квадрат 3. 10 – сумма первых четырех чисел.

Именно число 7 Платон выделил среди планет как «подвижный образ вечности». Следовательно, это палладий, чистое число, не порожденное и не порождающееся внутри декады. Макробий считает его универсальным благодаря бесчисленным гептадам в микро- и макрокосмосе.

Подчеркнем, что оно в первую очередь число гармонии, ибо семь тонов, возможно вызываемых меняющимися скоростями планет, также соотносимы с семью гласными звуками и семью звездами скопления Плеяды, называемыми Порфирием «лирой муз».

В неопифагорейских комментариях относительно этого числа прослеживается усиление влияния астрологии. Капелла с большим трудом объясняет этот древний лунный символ, замечая, что он состоит из четырех фаз и трех форм, правда, три формы превратились в одну повторяющуюся. К тому же благодаря другим необъяснимым совпадением, которые

продолжают поддерживать связи с алтарем нумерологии, сумма первых семи чисел равна 28!

8 – первый куб, совершенный благодаря свойствам своей поверхности. 9 – первая мужская площадь, совершенная форма совершенного числа 3. Абсолютно очевидно, что почти всякое число может считаться совершенным по той или иной причине. Другое «совершенство» 9 в связи с его соседством с 10.

Девять серий неподвижных звезд, семь планет и Земля, созданные Господом, соответственно, первое и десятое.

В мистическом смысле 10 и 1 единые, как 100 и 1000, «границы» числа. В декаде многообразие возвращается к единству. 10 является категорией, итогом всех вещей, охватывающих мир. Самое совершенное из всех идеальных чисел именуется Порфирием «понятное», «постигаемое всех различий чисел, причин, видов и пропорций».

Все высшие числа порождаются числами декады и от «родителей» наследуют свои добродетели и качества. Некоторые большие числа почитаются особо. 27 – первый нечетный, или мужской, куб. 28 – второе идеальное число и обозначение лунного месяца.

Плутарх называет 15 гармоническим, поскольку это сумма первого женского и первого мужского куба, то есть $8 + 27$. Фактически Плутарх сумел прекрасно представить операции (действия) пифагорейских математиков. Выяснил, что 36 – первое четырехугольное (6×6) и прямоугольное число, что доказывается равенством произведения первых квадратных чисел, 4 и 9, и суммы первых трех кубов 1, 8, 27.

Заметим, что не следует слишком точно придерживаться рассуждений пифагорейских практиков. Для пушей точности, 36 вовсе не прямоугольник. Монада только при необходимости высчитывается как квадрат или куб, на самом деле именуясь параллелограммом (12×3 или 9×4) и «соглашением», ведь именно в нем первые 4 нечетных числа объединяются с первыми четными: $1 + 3 + 5 + 7 = 16$; $2 + 4 + 6 + 8 = 20$; $16 + 20 = 36$.

Следует добавить, что 40 – разновидность славного тетрактиса. Если каждое из четырех чисел по очереди умножить на 4 и добавить четыре производные, результат окажется равным 40. Он также образуется как сумма двух первых, 1 и 4, и первые два куба соответственно 8 и 27.

Подобные экстравагантные манипуляции умножаются самыми серьезными средневековыми учеными. Тем не менее огромное значение имеют блестящие выкладки Плутарха. Неизменная мощь пифагорейства заключается в непоколебимой вере в математику как отражение фундаментальной истины.

«Никогда пусть ошибка не коснется числа, поскольку она враждебна его природе. Истина – вот главное свойство числа».

Слова укоренились в средневековом сознании, их поддерживало изречение Плотина: «Число существовало до предметов, которые оно обозначает. Разнообразие чувственных предметов просто напоминает душе о понятии числа».

Хотя астрология и пифагорейство следовали разным методикам, разногласия между ними несущественные. Пифагорейцы почти охотно принимали 4 как базовое число космоса или 7 как прототип универсального. Следовательно, хотя каждая из двух теорий в основном развивалась независимо, их возможное объединение отмечено всяческим согласием и дружелюбием.

Результат соединения астрологии и пифагорейства графически детально представлен в сочинениях Филона Александрийского. Философ I века до н. э. приобрел известность, изучая Платона. Сложилась даже присказка «...или Платон Филонисейский или Филон Платонский». Обзор его пространных сочинений позволяет выявить, что он, как и большинство неоплатоников, был необычайно восприимчив к философскому подтексту пифагорейства.

Его понимание святости числа отчетливо прослеживается в трактате «О потомках надменного Каина» («Толкования Ветхого Завета»), где он заявляет: «То, что нельзя достойно пересчитать, чтобы постигнуть как число, не является священным. То же, что соотносится с числом, является предопределенным».

Одновременно Филон оставался набожным евреем, направляя усилия на экзегезы (толкование текста), прежде всего Библии; комментарии, проистекающие из его трудов, оказали сильное влияние на его время, сочинения стали принятой моделью библейского толкования для поздних христиан и евреев.

Революционное «открытие» Филоном пифагорейских элементов в книгах о Моисее породило теорию, что греки сами основали свое учение, опираясь на эти книги. Благодаря столь оригинальной софистике божественный авторитет, уже заклеенный астрологами, с таким же успехом добавили к пифагорейству.

Свои умозаключения Филон основывает на двуедином мире, духовном и физическом, причем последний становится образцом для первого и открывает чувствам физический аналог невидимых идей. Между непостижимым божеством и материальным миром он размещает посредника, логос гностиков, который преобразует огромную хаотическую материю земли по образцу, представляющему в материальной форме неосязаемую божественную идею. Аллегория суть методика, благодаря которой сущность можно образовать из внешнего вида.

Таким образом, каждая строка Священного Писания тщательно исследуется аналитическим взглядом Филона, вознаграждаясь результатами. Превосходным примером его методики, равно как свидетельством его философского подхода, стал его комментарий по поводу творения:

«Когда, следовательно, Моисей сказал: „Бог завершил дела свои на шестой день“, мы должны понять, что он говорил не о количестве дней, но о том, что шесть взял как совершенное число. Поскольку первое число, которое равно в своих частях, в половине, в третьей и шестой частях из-за этого производится умножением двух неравных частей, двух и трех. Числа два и три превосходят внутреннюю вещественность, существующую в единстве, число два представляет собой образ материи, делясь на две части и рассекаясь как материя.

Что же касается числа три, то это образ твердого тела, а твердое может быть разделено в соответствии с тройным телом.

При этом, как бы то ни было, оно враждебно движениям органических животных, поскольку органическое живое естественно способно двигаться в шести направлениях: вперед, назад, вверх, вниз, направо и налево. И во всех событиях он хотел бы показать, что погоня за моралью и бессмертным существованием бытует лишь в соответствии с их призывительными числами, измеряющими моральные существа. Как я уже заметил, с помощью числа шесть, и благословенными и бессмертными существами с помощью числа семь. Закончив создание смертных существ на шестой день, он начинает седьмой день созданием иных, божественных существ».

Как Господь освятил «Субботу», он добавил к своей славе создание своего седьмого творения, то есть света, не материального, не вещественного и, подобно 7, постижимого только разумом.

Многие страницы он посвящает священному целому.

Его выдающийся статус в Ветхом Завете, равно как и в макро- и микрокосмосе объясняется архетипическим положением как «Господа Вселенной», образа Господа, «вечного, неизменного, несозданного и отличного от всех других существ».

Не вдаваясь в детальное описание геометрических, астрологических и гармонических свойств, Филон добавляет собственное, по его мнению, открытие того, что число дев-

ственницы соотносится со священным тетрактисом. Оно подтверждается в четырех лунных фазах, каждая из которых продолжается семь дней.

Необходимо подчеркнуть сказанное, поскольку пифагорейская точка зрения на единство как проявление первой силы любого числа превращает седьмую пифагорейскую силу числа в шестую, которая вполне может быть выражена как квадрат или как куб.

В дальнейшем он с удовольствием отмечает, что седьмой силой любого числа становятся квадрат и куб.

Всегда само число скорее, чем его конкретное выражение, воспринимается как бесспорная реальность. Соответственно, утверждение, что звезды созданы на четвертый день, ведет к пространному заключению о красотах 4, возможной декаде, которая является источником материи и времени.

То, что число выступает основой замысла Создателя, также отмечается в Его сотворении первых смертных существ на пятый день. Пять чувств – основа подобного утверждения.

Ни одно священное число не было слишком большим или слишком неподдающимся, Филон возводил их в первый принцип. Объяснение Енохом 365 дней серьезно истощило его силы, но длинный ряд искусных уловок наконец позволил уменьшить даже данный номер до его архетипической формы. Мучительные вычисления стали красноречивым подтверждением необычайной значимости интерпретации цифры, равно как и силы почитания числа на закате христианской веры.

Глава 4

Гностики

В предыдущих главах мы видели, какое очаровывающее воздействие цифры оказывали на философскую и научную мысль Древнего мира. Подчеркнем, столетия в начале христианской эпохи (с I в. до н. э. до V в. н. э.) особенно подверглись влиянию числового мистицизма, который одушевляет страницы сочинений Филона, Плутарха и неоплатоников.

Священная характеристика, в которую облачили цифры с течением столетий, похоже, явилась результатом последовательного, но мощного наплыва восточных мистерий в Римскую империю. Духовная пустота официального римского язычества обеспечила вакуум, который сделал вдвойне привлекательным мистицизм Востока.

За короткий промежуток новые божества последовательно входили в римский пантеон, исчезая в зависимости от своей популярности, пока все не были поглощены высшей силой, сначала египетскими Исидой и Осирисом, затем митраистскими мистериями, пришедшими из Персии, и, наконец, христианством. Заметим только, что митраизм был привнесен в Рим примерно в 70 году до н. э., став самым значительным соперником христианства.

Обычный во всех вероисповеданиях древний союз науки и религии оказался для западной мысли новым, но неизбежным результатом астрального характера египетской, персидской и вавилонской религий. На Востоке образование календаря продолжало оставаться прерогативой жрецов, предсказание относилось к их обязанностям, многовековые записи астрологических открытий и гипотез ревностно хранились в храмах. Это означало, что многие астрологические цифры ввели на Западе не вследствие распространения философской мысли, а как Божественное откровение и, соответственно, полностью наделили мистикой и силой священных тайн.

Следующим восточным нововведением, которое повлияло на религиозную мысль, стало перемещение Божества из сферы мирских дел. Создание Вселенной, ранее непосредственно приписываемой Господу, относилось к Демиургу, который сам возник в результате излучения. Если серии восходят к его источнику, то излучения проявляются более успешно в абстрактных характеристиках, пока, наконец, не достигают малопонятной первопричины.

Ни антропоморфный (человекоподобный) Яхве, ни Иова не утешаются земными созданиями. Равно как боги и богини не рождаются в результате плотских отношений. Вместо этого постулируется некий дуализм, разногласия устраняются только с помощью абстрактных качеств, которые мистически исходят от первопричины. После очередных успешных излучений в конечном счете им удается привести форму и порядок в хаос, а вдохновение в безжизненную материю.

Пока множество новообращенных приобщаются к живописным качествам восточных легенд и экстазу воплощения мистерий, многие просвещенные, уже вступившие в эллинистическую философию, почувствовали притяжение восточной астрологии, тонкость и абстрактность теологии, по своим свойствам в основном платонической.

Они и основали гностицизм, первых гностиков можно в широком смысле определить как философов. В основном они жили в Александрии, пытаясь объединить греческую философию с восточной наукой и религией. В такой комбинации пифагорейство сыграло доминирующую роль. Доктрина излучения полностью соответствует поколению десятичной системы, выраженной монадой.

Пифагорейство уже признало астрологию в виде четырех элементов, семи планет и 10 сфер. Так из смешения религии, науки и философии возникло множество различных сект,

сохранявших общую сущность и сходные в ясно подчиненном виде мораль и набожность в виде гностицизма, необычайно запутанной и оккультной философской системы.

Прежде чем перейти к обсуждению гностицизма, внесшего свой вклад в формулировки средневекового числового символизма, следует признать, что в большинстве случаев мы ходим по тонкому льду. Труды гностиков практически не сохранились, и нельзя утверждать наверняка, что дошедшие до нас не являются грубым переложением или порождением еретиков.

Основным источником, как ни парадоксально, стали труды Отцов Церкви, ревностно сражавшихся с подобной ересью. Полностью не доверяя их объективности, проистекающей из фрагментарности изложения, мы тем не менее не откажемся рассматривать их на предмет философских умозаключений, отдавая должное их способностям иллюзорно представлять тонкости теологии гностиков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.